

Некоторые особенности положения татарских писарей в канцелярии Великого Княжества Литовского (XV–XVI веков)

Любая А.А.

Республиканский институт высшей школы, Минск

В современных исследованиях намечаются попытки включить писарей в контекст становления бюрократической системы государств Восточной Европы, хотя использование самого термина «бюрократия» применительно к восточноевропейским государствам рубежа Средневековья и раннего Нового времени является достаточно дискуссионным вопросом.

Цель статьи — на основании дошедших до нас источников проанализировать специфику положения татарских толмачей и писарей в деятельности центрального аппарата управления Великого Княжества Литовского, к которому относилась и господарская Канцелярия.

Материал и методы. *Представленная работа написана на базе единственного вида источников по данному вопросу, сохранившегося до наших дней, — материалам делопроизводства, то есть документам Метрики Великого Княжества Литовского, а также исследований отечественных, российских и польских авторов. При этом применялись специально-исторические методы.*

Результаты и их обсуждение. *По своему происхождению большинство писарей и толмачей татарского отдела были татарами, чьи предки во втором или третьем поколении эмигрировали во владения великих князей литовских. Их обязанности предусматривали исключительно обеспечение внешней политики Великого Княжества Литовского, в то время как остальные писари занимались, прежде всего, документооборотом органов государственного управления. Поэтому карьера татар в Канцелярии была ограничена должностью татарского писаря. Должности в татарском отделе Канцелярии концентрировались в руках одного клана — князей Юшинских, что в общем было нехарактерно для бюрократии того времени. Но поддержание двуязычной письменной культуры и сохранение религиозных исламских традиций в этой семье могли способствовать появлению переводов коранических текстов на старобелорусский язык.*

Заключение. *Положение татарских писарей Канцелярии Великого Княжества Литовского существенным образом отличалось от положения и функциональных обязанностей латинских и русских писарей.*

Ключевые слова: *Канцелярия Великого Княжества Литовского, татарские писари, татарские толмачи.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 26. — С. 54–58)

Some Peculiarities of the Tatar Clerks Position of at the Chancery of the Great Duchy of Lithuania (XV–XVI Centuries)

Liubaya A.A.

National Institute for Higher Education, Minsk

In contemporary studies there are attempts to include clerks and writers into the context of bureaucracy system creation in the states of Eastern Europe. The application of the term of bureaucracy, though, concerning the Eastern European states of the late Middle Ages and early New Age is a rather controversial issue.

The purpose of the article is analyzing, on the basis of the extant sources the status of the Tatar interpreters and clerks in the actions of the state organs of the administration of the Grand Duchy of Lithuania, to which the Chancery also belonged.

Material and methods. *The presented work is written on the basis of the only type of sources that have survived to our day — materials of record keeping, that is, documents of the Metric of the Grand Duchy of Lithuania, as well as studies of native, Russian, and Polish authors, with the application of special historical methods.*

Results and its discussion. According to their origin, most of the clerks and interpreters of the Tatar department were Tatars, whose ancestors in the second or third generation had emigrated to the possessions of the Grand Dukes of Lithuania. Their duties were providing the foreign policy of the Grand Duchy of Lithuania, while the rest of the clerks primarily dealt with the document circulation of state administration bodies. Therefore, the career of the Tatars in the Chancellery was limited to the position of the Tatar clerk. Positions in the Tatar department of the Chancellery were concentrated in the hands of one clan – the Princes of Yushinsky, which in general was not typical for the bureaucracy of that time. But the maintenance of the bilingual written culture and the preservation of religious Islamic traditions in this family could facilitate the appearance of translations of the Koran texts into the Old Belorussian language.

Conclusions. The position of the Tatar clerks of the Chancery of the Grand Duchy of Lithuania differed significantly from the position and functional duties of the Latin and Russian clerks.

Key words: the Chancery of the Great Duchy of Lithuania, Tatar writers, Tatar interpreters.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 54–58)

Особенности положения татарских писарей в Канцелярии Великого Княжества Литовского никогда не становились предметом отдельного исторического изучения, хотя личный состав и функциональные обязанности писарей латинского и русского отделов неоднократно обсуждались в научной литературе. Более того, в исследованиях намечаются попытки включить писарей в контекст становления бюрократической системы, хотя использование самого термина «бюрократия» применительно к восточноевропейским государствам рубежа Средневековья и раннего Нового времени является достаточно дискуссионным вопросом. Среди причин подобного пренебрежения можно назвать малочисленность такой группы государственных служащих, их маргинальное положение в структуре Канцелярии, а также факт, что, с точки зрения современных историков, их деятельность, связанная с обеспечением внешней политики, не являлась магистральной для института, созданного с целью функционирования государственного документооборота.

Цель статьи – на основании дошедших до нас источников проанализировать специфику положения татарских толмачей и писарей в деятельности центрального аппарата управления Великого Княжества Литовского, к которому относилась и господарская Канцелярия.

Материал и методы. Представленная работа написана на базе единственного вида источников по данному вопросу, сохранившегося до наших дней, – материалам делопроизводства, то есть документам Метрики Великого Княжества Литовского, а также исследований отечественных, российских и польских авторов. При этом применялись специально-исторические методы.

Результаты и их обсуждение. Но для того, чтобы определить специфику положения и функций татарских писарей в Канцелярии Великого Княжества Литовского, в любом случае необходимо отталкиваться от актуальных представлений о деятельности писарей латинских и русских. С точки зрения методологической модели такого компаративного анализа нам представля-

ется удачным исследование польского историка Иеронима Грали, посвященное «сравнению двух групп чиновников [...] игравших важную роль в управлении как Московского, так и Литовского государств» [1, с. 148]: дьяков и писарей соответственно в XVI – начале XVII века.

Процесс централизации государства, запущенный в Великом Княжестве Литовском административными реформами великого князя Витовта, требовал большого аппарата управления: «чиновников нового типа – [...] профессиональных бюрократов, грамотных, хорошо обученных, имеющих хорошую правовую подготовку, компетентных как в вопросах внутренней жизни государства [...], так и в проблемах дипломатии» [1, с. 151]. Собственно, институт татарских писарей хотя и фиксируется в материалах делопроизводства несколько позже, в середине XV века, полностью соответствует «квалификационным требованиям», предъявляемым к подобного рода чиновникам «нового типа». Компетенции татарских писарей никогда не рассматривались как самостоятельная научная проблема (хотя такой вопрос заслуживает внимания), но самое беглое знакомство с источниками по дипломатии Великого Княжества Литовского позволяет сделать данный вывод. Татарские писари владели как письменной культурой старобелорусского языка или «мовы руськой», которая являлась официальным языком Великого Княжества Литовского, так и письменной культурой тюркского языка в его дешт-кыпчакской версии, использовавшейся в Канцелярии крымских ханов. Некоторые факты могут косвенно свидетельствовать о том, что в первой трети XVI века как минимум трое из татарских писарей – Ибрагим бен Тимер, Легуш бен Хаджи-бей и Кутлу-Зоман бен Хыдир из рода князей Юшинских – владели арабским языком как минимум на уровне чтения Корана. Первый из них в конце первого десятилетия XVI века стал имамом («мола» в документах Метрики Великого Княжества Литовского) [2, с. 174–175], второго источники именуют хафизом – человеком, который по памяти может воспроизвести весь текст Корана [3, с. 200], и, наконец, третьего сам крымский хан Менгли-Гирей называет своим

богомольцем, что само по себе предполагает некую вовлеченность в религиозную арабоязычную традицию [3, с. 85]. Их знание исламской правовой традиции, как и дипломатического этикета Великого Княжества Литовского, не подлежит также сомнению. Татарские писари, как и их «младшие» коллеги – татарские толмачи, принимали участие в шертвовании (принесении присяги) татарскими послами, правителями и знатью, чтобы подтвердить правовую значимость происходящей церемонии [4, с. 53–54].

Исходя из анализа биографий и антропонимики, можно сделать вполне обоснованный вывод о татарском происхождении подавляющего большинства татарских писарей и толмачей из Канцелярии. Даже тогда, когда личное имя чиновника нельзя идентифицировать однозначно или оно является традиционным для социума Великого Княжества Литовского, вероятность татарского происхождения его носителя все равно достаточно высока. Как, например, в случае с писарем Дедко, который в 1505 году был отправлен к крымскому хану для подготовки приезда нового посла от великого князя, после неожиданной смерти князя Дмитрия Путятича. Его происхождение, на основе документов Метрики, установил Кшыштоф Петкевич [5, с. 28]. Это существенно отличало татарских писарей и толмачей из Канцелярии не только от других писарей, но и от других татарских писарей. Дело в том, что в Киеве как месте первой встречи татарских посольств был свой «дежурный штат переводчиков» и их среда была столь однородна. Среди киевских татарских толмачей нередко можно было встретить армян. Например, Макар Ивашкович, киевский татарский толмач, получивший от великого князя в начале XVI века землю в Киевском повете, «которую ж он нам заслуговал пилне ездячи до Орды частокрот в делех наших и земских», имел армянское происхождение [6, с. 129, 169]. В 1533 году другой киевский армянин и татарский толмач Василий Солтанович получил лист на вольную корчму в Киеве. В этом же году он, как писарь татарский, получил «тры копы грошей а сукьно луньское [с] скарбу» [7, с. 208; 8, с. 332–333].

Собственно, никаких других административных или финансовых функций, кроме как реализации внешней политики Великого Княжества Литовского, татарские писари не выполняли. Это существенно отличало их от других писарей господарских, в том числе и в плане количества. Однако не на столько, насколько можно было бы этого ожидать. Польские историки Хенрик Люлевич и Анджей Рахуба подсчитали, что в Великом Княжестве Литовском в общем было всего 78 чиновников с титулом писаря и великого писаря [1, с. 151]. В то же время другой польский исследователь Кшыштоф Петкевич выявил, что в Канце-

лярии Великого Княжества Литовского в период правления великого князя литовского Александра работало 20 писарей: 15 русских, 3 латинских и 2 татарских [5, с. 18–28]. В результате работы над документами из книг Метрики Великого Княжества Литовского мы установили около десятка татарских и арабских писарей, что в общем сопоставимо с общим числом писарей в этом ведомстве.

Существенно отличалась модель социальной и политической мобильности татарских писарей в сравнении с остальными сотрудниками Канцелярии. Как отметил Иероним Граля, «модель идеальной чиновничьей карьеры в Литве можно представить в виде следующей схемы: дьяк или секретарь – писарь – державца – маршалок – подскарбий, а дальше, возможно, воевода» [1, с. 154]. Бюрократическая карьера татар в Великом Княжестве Литовском начиналась с должности толмача и заканчивалась на следующей должности – татарского писаря. Даже на дипломатической службе, в составе посольств великого князя, татарские писари очень редко получали статус посла. Безусловно, это связано с этноконфессиональным фактором. С одной стороны, при всей терпимости политической культуры Великого Княжества Литовского к татарам, их равное положение с христианами не было бесспорным и само собой разумеющимся. Достаточно вспомнить, какие ограничения их прав были введены Статутом 1566 года: по третьему артикулу девятого раздела татарам запрещалось свидетельствовать в судах («не мають у свѣдѣцтва припущоны быти жыдове ани Татарове») [9, с. 134], а по пятому артикулу двенадцатого раздела им запрещалось иметь невольников-христиан («Жидь, татаринь и кождыи бесурмянинь на врьдъ преложонь и хрестянь въ неволи мѣти не маеть») [9, с. 167]. И хотя эти законодательные ограничения были отменены в скором времени великим князем литовским Жигимонтом Августом, правовое положение нобилитированных татар не было абсолютно тождественно остальной шляхте. С другой стороны, служба в Канцелярии Великого Княжества Литовского позволяла сделать карьеру или скорее упрочить свое положение внутри татарской общины.

Все господарские татары с точки зрения военной целесообразности и исходя из родоплеменного принципа были поделены на хоругви, которые одновременно являлись территориальными, налоговыми и административными единицами [10, с. 49]. В военном плане предводителем каждой хоругви был татарский хорунжий, а административные и хозяйственные вопросы решал маршалок. Иногда эти должности мог сосредотачивать в своих руках один и тот же человек. По крайней мере, в первой половине XVI века трем татарским писарям – Ибрагиму бен Тимеру, Кутлу-Зоману бен

Хыдиру и Мортузе бен Кутлу-Зоману – это удалось сделать в Юшинской трокской хоругви [10, с. 387–388, с. 399]. Причем, в случае с назначением в 1533 году Кутлу-Зомана бен Хыдира трокским юшинским хорунжим великий князь был вынужден забрать эту должность у его племянника Абдулы бен Ибрагима. Свое решение великий князь Жигимонт обосновал заслугами татарского писаря Кутлу-Зомана бен Хыдира на многолетней посольской службе в Орде [10, с. 388].

В историографии многократно обсуждался вопрос о судебных спорах между татарскими родами Великого Княжества Литовского за почетное старшинство. Для шляхетского сообщества, в котором принцип равенства всех членов «политического народа» был непреложной и абсолютной ценностью, подобные процессы были непонятны. В 20-е годы XVI века в этих тяжбах князя Юшинские, а именно князь Ибрагим с «братею Хазбеевичи», смогли на время одержать верх над найманскими князьями Кадышевичами-Петровичами и ялоирскими князьями Кеньковичами [2, с. 176–179]. Но никто из исследователей, занимавшихся проблемой татарского «местничества», не обратил внимание на то особое положение, которое князья Юшинские занимали при великокняжеском дворе. В результате просопографического анализа татарского отдела Канцелярии (как татарских писарей, так и толмачей) нам удалось выявить, что по крайней мере пять поколений этого рода состояли на государственной службе. В общем, не менее 17 представителей князей Юшинских являлись татарскими писарями и толмачами. Такая профессиональная преемственность поколений не была характерной для других писарей господарских. Как утверждает Иероним Граля, «в Литве заинтересованность в карьере чиновника представителей одного рода не превышала, как правило, двух-трех лиц (чаще всего на протяжении одного-двух поколений)» [1, с. 152]. Этому явлению мы в самое ближайшее время посвятим отдельное исследование. А на данном этапе просто отметим, что одной из самых очевидных особенностей функционирования института татарских писарей и толмачей был кланово-семейный принцип комплектации кадрового состава. И это сближает татарский отдел не с русским и латинским отделами Канцелярии Великого Княжества Литовского, а с соответствующими институтами в Великом Княжестве Московском, затем в Русском государстве, – писарями различных Приказов, которые зачастую трудились в государственном управленческом аппарате на протяжении нескольких поколений. К таким династиям можно отнести Курицыных, работавших в Посольском приказе во второй половине XV – XVI веке, Цыплятевых, Карачаровых, Моклоковых и других [1, с. 152].

С точки зрения экономической целесообразности должность и работа в Канцелярии позволяла улучшить финансово-экономическое положение конкретного татарского писаря и его семьи в целом. Господарский писарь «кормился с отданного ему в пользование монаршего имения (и поэтому писарь обычно выступает с титулом “державцы”», в отличие от господарских дьяков, бюрократов более низкого ранга, которые получали за службу плату [1, с. 152]. Одновременно изученные нами материалы социально-экономического характера относительно собственности татар, служивших в Канцелярии, позволяют сделать вывод о том, что они вознаграждались за службу передачей земли в собственность.

Обычно татары, осевшие на землях Великого Княжества Литовского, получали земельные наделы – так называемые «татарщизны» – за свою военную службу в составе татарских или смешанных хоругвей. Отчуждение данной собственности (купля-продажа, обмен, дарение) были осложнены некоторыми условиями: разрешением великого князя на сделку и обязательной службой нового владельца вне зависимости от этнического происхождения в татарских хоругвях. Кроме прочего, эти наделы были совсем не большими. Исходя из данных Пописов (переписей) войска Великого Княжества Литовского, абсолютное большинство татар, включая мурз, выставляли одного всадника [см., например: 11, с. 104–110]. Процесс уменьшения доли собственности отдельного господарского татарина в первой трети XVI века привел к тому, что один всадник выставлялся от нескольких татарских семей – трех, четырех. Например, все татары из Крейвян (Kreywany) Трокского воеводства, «которых домов есть восемь» (перевод с польского наш. – *А.Л.*), выставляли всего два коня [12, л. 15 об.], а вдова татарина Мустафы Туляшевича после смерти брата своего мужа выставляла треть коня [12, л. 17]. Встречались случаи, когда один конь выставлялся от десятка татар и даже больше.

В то же время, по сведениям Пописа войска 1528 года, писарь татарский, князь Ибрагим бен Тимер выставлял шесть всадников со своих владений, больше него – семь коней – выставлял только хорунжий князь Ахмат Улан Асанчукович, чей род по старшинству занимал первое место среди татар Великого Княжества Литовского. Двоюродный брат Ибрагима бен Тимера Кутлу-Зоман бен Хыдир – двоих. Общее число всадников, которые выставлялись из личных владений Юшинских, связанных на момент проведения переписи в 1528 году с Канцелярией, – не менее 17 [11, с. 105]. Относительное экономическое благополучие Юшинских определялось не только их высоким социальным статусом, как татарских князей и предводителей собственной хоругви, но и их работой в Канцелярии.

Отдельно остановимся на роли писарей в создании этнокультурной среды и сохранении культурной идентичности татар Великого Княжества Литовского. В Русском государстве, где возможности получения хорошего образования были ограничены, в том числе из-за культурной и религиозной изоляции, интеллектуальная среда естественным образом формировалась из профессиональных бюрократов, имевших доступ к книжной культуре и относительно открытых ко внешнему миру в силу специфики деятельности [1, с. 156]. В Великом Княжестве Литовском господарские писари – в первую очередь писарь русский Гальяш Пелигжимовский и писарь латинский Венцлав Николаевич – оставили заметный след в интеллектуальной истории государства. Достижения в этой сфере татарских писарей не столь очевидны. Тем не менее можно предположить, что именно татарские писари Канцелярии положили начало традиции перевода Корана на старобелорусский язык, а также способствовали формированию книжного письма и литературы белорусско-литовских татар. Этот достаточно радикальный тезис нуждается в подробной и основательной аргументации. Приведем здесь только самые очевидные факты, позволяющие сделать такой вывод.

Во-первых, источники свидетельствуют о том, что в начале XVI века некоторые татарские писари имели самое непосредственное отношение к исламскому духовенству. Князь Ибрагим бен Тимер был имамом – человеком, который непосредственно осуществляет религиозное служение в мечети. Князь Кутлу-Зоман бен Хыдир, также татарский писарь, называется молитвенником, и ему крымский хан Менгли-Гирей, не слишком щедрый в отношении посланников великого князя литовского, специально передает «белую деньгу» (возможно, некое ритуальное подаяние). Их родственник называется гафизом – профессиональным чтецом Корана, который способен воспроизводить его части по памяти.

Во-вторых, все они постоянно занимались переводческой деятельностью, в том числе осуществляли перевод (или свидетельствовали об истинности) отдельных сакральных текстов, которые содержались в письменных и устных клятвах крымских ханов, членов ханской семьи, придворных сановников и послов.

В-третьих, в татарском отделе Канцелярии Великого Княжества Литовского был свой собственный экземпляр Корана. Вполне вероятно, что его могли использовать для «обучения» новых татарских писарей чтению священных текстов и переводам с восточных языков.

Заключение. Таким образом, положение татарских писарей Канцелярии Великого Княжества Литовского существенным образом отличалось от положения и функциональных обязанностей латинских и русских писарей. По своему происхождению большинство писарей и толмачей

татарского отдела были татарами, чьи предки во втором или третьем поколении эмигрировали во владения великих князей литовских. Их обязанности предусматривали исключительно обеспечение внешней политики Великого Княжества Литовского, в то время как остальные писари занимались, прежде всего, документооборотом органов государственного управления. Поэтому карьера татар в Канцелярии была ограничена должностью татарского писаря. Должности в татарском отделе Канцелярии концентрировались в руках одного клана – князей Юшинских, что в общем было нехарактерно для бюрократии того времени. Но поддержание двуязычной письменной культуры и сохранение религиозных исламских традиций в этой семье могли способствовать появлению переводов коранических текстов на старобелорусский язык.

Литература

1. Граля, И. Дьяки и писари: аппарат управления в Московском государстве и Великом княжестве Литовском (XVI – начало XVII века) / И. Граля // От Древней Руси к России Нового времени. Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. – М., 2003. – С. 148–164.
2. Любая, А.А. Князь Ибрагим бен Тимер из рода князей Юшинских / А.А. Любая // *Alba Ruscia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.)*. – М.: Квадрига, 2015. – С. 153–184.
3. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 7 (1506–1539). Užrašymų knyga 7 / Lithuanian metrica: Book No. 7. Book of Inscriptions 7 / Литовская Метрика: Книга 7. Книга записей 7*. – Vilnius: LII leidykla, 2011. – XXIX, 1012 p.
4. Любая, А.А. Каран у дыпламатычнай практыцы Канцеляры Вялікага Княства Літоўскага / А.А. Любая // *Журнал Белорус. гос. ун-та. Сер., История*. – 2018. – №1. – С. 51–59.
5. Pietkiewicz, K. *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku* / K. Pietkiewicz. – Poznań: Wyd. nauk. UAM, 1995. – 256 s.
6. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Užrašymų knyga 9 / Metryka Litewska. Księga Nr 9 / 9 księga wpisów / Księga kontynuacja (1508–1518)*. – Vilnius: Žara, 2002. – 615, [1] p.
7. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 15 (1528–1538). Užrašymų knyga 15 [Литовская Метрика. Книга записей 15] / Parengė A. Dubonis*. – Vilnius: Žara, 2002. – 442 p.
8. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 17 (1530–1536). Užrašymų knyga 17 / Lithuanian Metrica: Book No. 17. Book of Inscriptions 17 / Литовская Метрика. Книга 17. Книга записей 17*. – Vilnius: LII leidykla, 2015. – XLVI, 706 p.
9. Статут Великого князьства Литовского 1566 года и поправки статутные 1578 года // *Временник Московского о-ва истории и древностей российских*. – 1855. – Кн. 23. – С. 1–242.
10. Borawski, P. *Ziemska służba wojskowa Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego w XV–XVII wieku* / P. Borawski. – Zabrze: Wyd. Inforteditions, 2015. – 431 s.
11. *Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага*. Кн. 523. Кн. публічных спраў 1 / падрыхт. А.І. Груша, М.Ф. Спірыдо-наў, М.А. Вайтовіч. – Мінск: Бел. навука, 2003. – 444 с.
12. Национальный исторический архив Беларуси. – КМФ-18. – Оп. 1. – Д. № 569: Книга 12 переписей. Ревизия татарских имений Великого княжества Литовского.

Поступила в редакцию 14.05.2018 г.